

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Кавеева А.Д., Сабурова Л.А., Эстрина Ю.Ю. Ускользающее доверие в цифровых коммуникациях: что связывает пользователей в виртуальных сообществах?. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00008 // Антинормии. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 45–65.

УДК 32.019.52

DOI 10.24411/2686-7206-2019-00008

УСКОЛЬЗАЮЩЕЕ ДОВЕРИЕ В ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ: ЧТО СВЯЗЫВАЕТ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ?¹

Аделя Динаровна Кавеева

аспирант кафедры общей и этнической социологии
Казанского федерального университета
г. Казань, Россия

E-mail: adele.kaveeva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8689-5532

ResearcherID: D-3499-2017

ScopusID: 57189662019

SPIN-код: 5837-4683

Людмила Альбертовна Сабурова

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Удмуртского филиала
Института философии и права Уральского отделения РАН
г. Ижевск, Россия

E-mail: sabur@udm.ru

ORCID: 0000-0002-7243-652X

¹Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект 19-011-00761 «Построение прогнозных моделей динамики развития Интернет-сообществ».

ResearcherID: K-2275-2018

SPIN-код: 6296-8340

Юлия Юрьевна Эстрина

лаборант кафедры социологии

Института истории и социологии

Удмуртского государственного университета

г. Ижевск, Россия

E-mail: avisart@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3972-2943

SPIN-код: 9747-7848

*Статья поступила 08.07.2019, принята к печати 02.10.2019,
доступна online 13.01.2020*

В статье поднимается вопрос о релевантности применения категории доверия к анализу интернет-коммуникаций, в частности к исследованию интеграции пользователей в онлайн-сообществах в социальных сетях. С учетом того, что именно проблемы доверия или недоверия к онлайн-сообществам и объединениям в России сегодня оказываются фактором, резко раскалывающим общество и подталкивающим государство к усилению контроля за Интернетом, вопрос доверия как внутреннего фактора развития онлайн-сообществ становится актуальным не только в научном, но и в политическом плане. В статье предпринимается попытка теоретического осмысления феномена горизонтальной интеграции в онлайн-сообществах как процесса, отличающегося по своей природе и механизмам от генезиса реальных сообществ, возникающих в вертикально интегрированных социальных структурах, либо адаптирующихся в вертикально ориентированной социальной среде. Использование подхода *обоснованной теории (grounded theory)* к анализу динамики онлайн-сообществ мобилизационного типа в социальных сетях «ВКонтакте» и «Facebook» обнаружило слабую значимость фактора межличностного доверия в функционировании и развитии наблюдаемых сообществ. Противоречие этого факта устоявшимся классическим представлениям о доверии как основе социального взаимодействия и ключевой составляющей социального капитала сообществ и социальных групп может быть объяснено только через уточнение специфики взаимодействия в онлайн-сообществах. В качестве таких специфических характеристик в статье рассматриваются: наличие институционального доверия «на входе» в группу, основанного на согласии пользователя с ценностями, правилами и нормами группы при высокой степени определенности ценностей, правил и норм (1); отсутствие иерархической структуры, редуцирующее ролевые наборы и ролевые ожидания участников группы до минимума (2); доминирование связей «слабейшего» типа по сравнению с «сильными» и «слабыми» типами связей, подразумевающих отсутствие личного знакомства и, соответственно, предотвращающих вторжение в онлайн-коммуникации «культуры недоверия», преобладающей в оффлайн-социальной среде (3). В статье выдвигается предположение, что роль доверия как элемента социального капитала в межличностных взаимодействиях в интернет-коммуникациях снижается, но растет роль институционального доверия – к определенным информационным потокам, социальным движениям, Интернету как инструменту общения. Хотя в чистом виде горизонтальная интеграция распространена далеко не во всех сегментах Интернета и характерна отнюдь не для всех типов онлайн-сообществ, рост объема онлайн-коммуникаций

во всем мире, и в России в частности, позволяет предполагать дальнейшую трансформацию самого феномена доверия в контексте «онлайн-социальности» именно в направлении большей его институционализации и деперсонализации..

Ключевые слова: доверие, институциональное и межличностное доверие, онлайн-сообщества, горизонтальная и вертикальная интеграция.

Пространство интернет-коммуникаций на сегодняшний день является одним из наиболее изучаемых объектов, с одной стороны, а с другой – объектом, наиболее сложным для непредвзятого анализа ввиду обилия политических, идеологических, бытовых коннотаций, особенно в русскоязычном сегменте. Особенность российского сегмента интернет-коммуникаций состоит в том, что переход к принципиально новой конфигурации связей и отношений в интернет-пространстве для российского пользователя оказался более радикальным, чем тот же переход в странах с гораздо менее жестко иерархизированными социальными структурами и меньшей централизацией общественных ресурсов. В результате этого перехода все более очевидным становился разрыв между иерархически-детерминированной и вертикально-ориентированной структурой оффлайн-социума и горизонтально-интегрированными виртуальными мирами, вырабатывающими собственные правила поведения и общения. Революционизирующие эффекты нарастания этого разрыва вынуждают наиболее сильных агентов по обе стороны этой «пропасти» продуцировать стратегии гармонизации и синхронизации реального и виртуального миров. Так, лидеры мнений, формирующие актуальную повестку современного российского общества в традиционных средствах массовой информации, явно тяготеют к идеологической демонизации Интернета, принимают непрекращающиеся попытки взять под контроль виртуальные процессы, подчинить их логике вертикальной интеграции. Вместе с тем нарастание горизонтальной интеграции в виртуальных сетевых сообществах все чаще выходит за рамки сугубо виртуального общения, выплескивается в реальную социальную активность, озадачивающую адептов иерархии и вертикального порядка отсутствием понятных и привычных алгоритмов мобилизации.

В этом контексте остро актуализируется тематика сравнения закономерностей поведения и развития реальных и виртуальных сообществ в научном дискурсе, оправданности применения традиционных теоретико-методологических инструментов к анализу процессов интеграции в Интернете. Большинство исследователей, как отечественных, так и зарубежных, признавая существование глубоких различий между реальными и виртуальными сообществами, тем не менее экстраполируют теоретические и методологические принципы изучения реальных сообществ на анализ поведения и развития сообществ виртуальных. Однако ряд авторов ставят под сомнение корректность подобной экстраполяции. Например, сторонник концепции *виртуального человека* и *виртуальной культуры* Т. Белсторфф настаивает, что практики интернет-среды и практики реального мира не пересекаются и не объясняют друг друга, существуя автономно (Boellstorff 2008). Основоположник *дигитальной антропологии* Д. Миллер полагает, что

особенность социальных сетей заключается в том, что они задают иные принципы масштабирования социальной коммуникации и создают новые форматы общения людей в условиях пространственной удаленности. В социальном смысле технологии, которые сделали это возможным, представляют собой, по мнению Д. Миллера, артефакт, особое социокультурное сочетание материального и нематериального (невещественного) (Miller 1994). И, несмотря на то что многие исследователи строят формализованные модели поведения интернет-сообществ, используя такие традиционные категории описания и измерения сообществ, как «сплоченность» (Ярская-Смирнова, Печенкин, Решетников 2014), «идентичность» (Войскунский, Евдокименко, Федунина 2013), «самопрезентация» (Nahapiet, Ghoshal 1998; Moibus, Quoc-Anh 2004), «социальная структура», «лидерство» (Бондаренко 2004) и т.д., вопрос релевантности всех этих характеристик изучаемым процессам остается открытым.

В частности, одной из наиболее уязвимых с точки зрения релевантности понятия изучаемому типу взаимодействия является категория доверия, которая традиционно считается базовой для описания социальных общностей и социального взаимодействия как такового.

Взаимодействие в социальных сетях в связи с технологической опосредованностью имеет свои особенности и, по сравнению с обычным общением, отличается большей степенью неопределенности, что подразумевает необходимость дополнительных условий для обеспечения эффективности социальных транзакций. По мнению ряда исследователей, доверие относится к наиболее значимым условиям такого рода (Sherchan, Nepal, Paris 2013). Вопрос о взаимном доверии пользователей при исследовании интернет-коммуникаций актуален и в плане проблематики жизненных циклов блог-платформ: не все социальные сети способны долго сохранять и увеличивать число пользователей.

Вне зависимости от среды взаимодействия доверие определяется социологами как степень уверенности индивида в собственном прогнозе относительно будущих действий контрагента в условиях невозможности контроля его поведения и всей ситуации взаимодействия. Доверие традиционно считается одной из основных составляющих социального капитала: методики его измерения активно используются при проведении исследований, хотя однозначное определение термина, описание сущности явления и механизмов его функционирования в социологической теории пока не представлены (Алмакаева 2014).

В современных сетевых исследованиях доверие нередко упоминается в связи с концептами *бондингового* и *бриджингового* социального капитала (Field 2017). Согласно данному подходу типы социального капитала напрямую складываются из особенностей проявлений внутригруппового доверия: исследователи выделяют доверие специфическое, направленное на конкретные ситуации или группы (бондинговый социальный капитал), и генерализованное доверие к людям вообще вне зависимости от ситуации, личного знакомства, этнической, религиозной или любой другой принадлежности (бриджинговый социальный капитал). Кроме того, доверие

в социальных сетях рассматривается как межличностное доверие между двумя пользователями (Adali et al. 2010), доверие к самой платформе, сайту социальных сетей (Chang, Liu, Shen 2017; Gefen, Karahanna, Straub 2003; Bhattacharjee 2002) или доверие к группе, сообществу, созданным в социальной сети.

Для исследования феномена доверия в социальных коммуникациях наиболее важны следующие аспекты: а) доверие как инструмент принятия рационального решения в ситуации неопределенности (Коулмен 2001); б) доверие как стимул для социальных транзакций (Норт 1997; в) доверие как компенсаторный механизм и «защитная оболочка», поддерживающая связность и целостность общественных взаимодействий (Гидденс 2011); г) доверие как фактор минимизации рисков при принятии решений в условиях информационного дефицита (Луман 2000).

Однако даже при анализе реальных социальных процессов вопросы социального доверия остаются наименее удобными для эмпирического изучения в силу очевидной субъективности и эмпирической неопределенности самого феномена (Неофитова 2016). Обращаясь же к виртуальным сообществам, можно констатировать серьезный разрыв между теоретическими концептами, подчеркивающими существенную и даже растущую роль доверия в интеграции сетевых сообществ (Гужавина, Силина 2016), и значительным смысловым разбросом в эмпирической интерпретации понятия доверия. В качестве имплицитного признака доверие входит в описание и анализ интернет-коммуникаций при вступлении пользователя в определенную группу и допущении администратором группы пользователя в члены группы, а также при исследовании предпочтений в выборе провайдера товара или услуги, концентрации дружеских отношений в «узлах доверия», системы рекомендаций, основанных на мнениях авторитетных участников (Максименко, Долгова 2018). Однако в любой из данных интерпретаций доверие оказывается тождественным иным признакам, таким как дружба, объединение, коммуникация, интерес, сплоченность и т.д., не привнося в смысловое поле исследований виртуальных сообществ новых значений или аспектов. Эта методологическая и теоретическая неопределенность еще более актуализирует задачу переосмысления теоретического инструментария изучения виртуальных сообществ, в том числе базовых интегрирующих составляющих интернет-сообществ – доверия, взаимозависимости, сплоченности, групповой идентичности. И *доверие* оказывается в этом ряду понятий наиболее проблематичным, демонстрирующим наибольшую смысловую и функциональную неопределенность применительно именно к анализу онлайн-сообществ.

Преодоление этой неопределенности в использовании понятийного аппарата теории сообществ, в том числе таких понятий, как *интеграция*, *сплоченность*, *доверие*, применительно к анализу динамики онлайн-сообществ являлось одной из основных задач первого этапа исследования «Построение формализованной модели динамики интернет-сообществ мобилизационного типа».

Именно для того чтобы избежать экстраполяции уже существующих и устоявшихся теоретических представлений о поведении сообществ и факторах их интеграции на принципиально новую предметную область и подойти к изучению интеграции виртуальных сообществ в социальных сетях как к предмету, с большой долей вероятности обладающему собственной природой и механизмами функционирования, в эмпирической части исследования был использован подход *обоснованной теории* (*grounded theory*), позволяющий индуктивными методами выявлять связи и закономерности в социальных процессах, представляющихся новыми либо мало исследованными (Strauss, Corbin, 1998). Сущность подхода состоит в том, что концепты и гипотезы вырабатываются как результат непосредственного наблюдения, фиксации и накопления фактов по мере поиска общих и особенных характеристик протекания социальных процессов. Формирующиеся при этом предположения о существенных признаках и их связях затем валидизируются с помощью набора определенных процедур.

На первом этапе исследования осуществлялось сплошное наблюдение поведения пользователей – членов 12 сообществ в социальных сетях «ВКонтакте» и «Facebook» (5 – в «ВКонтакте» и 7 – в «Facebook»). Для построения модели функционирования и развития виртуальных сообществ были выбраны группы мобилизующего типа, то есть группы, предполагающие в качестве основной или промежуточной цели общения совершение неких согласованных действий в «оффлайне». По остальным признакам – географическому охвату, количественному составу, возрасту группы – ввиду тематики отбор групп строился по принципу достижения максимального разнообразия. В частности, в выборку входили группы:

- а) ориентированные на общероссийское, региональное и локальное представительство;
- б) связанные узкопрагматическими темами и задачами на уровне региона или места жительства («Жители Тимирязевского района», «Поборы в школах и детсадах»);
- в) отстаивающие права профессиональных групп на общероссийском уровне («Профсоюз медработников “Действие”», «Профсоюз “Университетская солидарность”»);
- г) защищающие права сексуальных меньшинств на международном уровне («Альянс гетеросексуалов и ЛГБТ за равноправие»);
- д) продвигающие инновационные способы социального поведения («Зеленый паровоз»);
- е) объединенные общим хобби или профессиональными проектами («Лига Ижевского Свояка», «Библиотеки – пространства развития»);
- ж) образующиеся вокруг благотворительных проектов локального и межрегионального масштаба («Лыжи мечты в Ижевске», «Все вместе (благотворительный фонд)», вокруг общих профессионально-экспертных задач («Pro bono Проект “Право 45”», «Пражский клуб»). Все группы имеют статус открытых. Полный перечень изучаемых групп со ссылками приводится в приложении.

В задачи наблюдения входило ознакомление со всеми процессами и событиями (*incidents*), происходящими в сообществах на ежедневной

основе – фиксация и изучение всех публикаций, комментариев, обсуждений, реагирований участников на события, количественных изменений, происходящих в группах – увеличения или уменьшения количества участников и т.д. Поскольку наблюдение в силу выбранной методологии не предполагало наличия формализованного инструментария и заранее заданных эмпирических границ, аналитики-наблюдатели фиксировали все происходящее в группах и выделяли те события, которые, по мнению наблюдателя, фактически или гипотетически меняли уровень или содержание интеграции, поскольку основным (исходным) исследовательским вопросом является вопрос о том, как осуществляется и изменяется интеграция в виртуальных сообществах. Поскольку методология обоснованной теории подразумевает отказ от использования уже сложившихся теорий и концептов в процедурах отбора и фиксации событий, событием, характеризующим интеграцию, являлся любой факт связи/взаимодействия людей между собой в пределах группы. Результаты фиксировались в дневниках наблюдений по каждой из изучаемых групп.

В соответствии с выбранной методологией наблюдения велись одновременно четырьмя независимыми исследователями, обладающими достаточным уровнем теоретической чувствительности (*sensitivity*), определяемым предшествующим профессиональным и исследовательским опытом. Таким образом, *процедура открытого кодирования* предполагала постоянное проведение двойных операций сравнения: сравнения событий, фиксируемых одним исследователем, и событий, наблюдаемых и описанных разными исследователями. На этапе *осевого кодирования* были обозначены основные связи между выявляемыми событиями, контекстом, обусловленность возможных каузальных связей свойствами изучаемых сообществ. На момент перехода к *избирательному кодированию* в дневниках и заметках наблюдателей была уже сформирована обширная понятийная сетка, описывающая процессы интеграции с учетом всех состоявшихся за два месяца мониторинга событий, выявленных значений контекста, возможных причин события, эмпирически доступных характеристик события – более 80 категорий анализа, пригодных к построению системы иерархических связей после процедуры отбора. Эти категории анализа обозначают фактические качественные и количественные признаки (индикаторы) интеграции (изменение объема сообщества, темпы роста/снижения численности, количество лайков под публикацией, количество постов в обсуждениях и количество участников обсуждений, доля активных участников, количество репостов, количество просмотров, эмоциональность обсуждений, солидарные реакции на просьбы и т.д.), свойства группы и участников в качестве контекстуальных признаков, возможные причины событий (внешние и внутренние), предшествующие события, специальные усилия лидеров группы и т.д.).

Результаты осевого кодирования показали, что множество признаков, выявленных и категоризированных исследователями, совпадает с привычными категориями для исследования общностей лишь частично. С одной стороны, не все категории онлайн-действий пока получили свои

«понятийные ярлыки» (например, такие как использование тегов и хештегов, использование эмодзи, иронии, отношение группы к оффтопу и т.д.). Это неполное совпадение, абсолютно предсказуемое в контексте реализуемой методологии, является поводом для дополнительного внимательного изучения данных феноменов и их роли в интеграции.

С другой стороны, не весь понятийный аппарат теории сообществ оказался востребованным в процедурах категоризации. Именно в результате осевого кодирования обнаружилось, что за два месяца сплошного наблюдения имели место всего два эпизода проявления недоверия, причем оба эпизода никак не повлияли на количественные и качественные признаки (индикаторы) интеграции. Один, повторяющийся, эпизод – эпизод дефицита доверия со стороны некоторых участников группы по отношению к участнику, призывающему к оффлайновой активности. В группе под названием «Жители Тимирязевского района» (Facebook) недоверие проявилось в обвинениях инициативной участницы группы в «попытке построить политическую карьеру за счет активности жителей района» (см. прил.). Другой эпизод также связан с проявлением межличностного недоверия в группе «Поборы в школах и детсадах»: участники группы выражали желание анонимного проведения опроса по нарушениям в школах, опасаясь неприятных последствий для своих детей (см. прил.).

Следует отметить, что в обоих эпизодах наблюдатели не отмечали снижения или повышения интеграции группы в качестве следствия. Не были зафиксированы уменьшение или увеличение количества участников, изменения в объеме поддержки материалов, рост интенсивности коммуникаций и иных событий, фиксируемых наблюдателями как события, проявляющие свойства маркеров интеграционных или дезинтеграционных процессов. Таким образом, в ходе анализа было выдвинуто предположение, что в целом весь материал наблюдения и фиксации изменений, происходящих в изучаемых группах, вполне может осмысливаться концептуально и без привлечения категории доверия как значимого фактора интеграции.

Означает ли это, что доверие в цифровых коммуникациях в формате «сообщество в социальной сети» оказывается не столь значимой предпосылкой общения? Иначе говоря, доверие, в противовес мнению многих исследователей, в том числе и Фукуямы, в виртуальном сообществе отнюдь не является обязательной составляющей социального капитала участников данного сообщества (Фукуяма 2004). Либо, как предполагают некоторые исследователи, доверие в виртуальных сообществах «работает» каким-то иным образом и имеет иные смыслы, нежели в реальных коммуникациях (Gross, Acquisti 2005).

Ответы на эти вопросы могут лежать как в плоскости выявления методических ограничений проводимого эмпирического исследования, так и в области уточнения самого концепта доверия применительно к анализу виртуальных сообществ.

Очевидными методическими ограничениями выступают критерии выбора анализируемых сообществ, во-первых, и период наблюдения, во-вторых. Что касается выбора сообществ, в список изучаемых групп наме-

ренно не были включены сообщества коммерческой направленности (продвигающие товары, услуги, бренды и т.д.) и сообщества, формирующиеся вокруг тех или иных политических сил. Причина исключения таких сообществ из программы исследования кроется в том, что подобные сообщества не являются примерами горизонтальной интеграции в «чистом виде», ибо формируются целенаправленно заинтересованными субъектами для реализации своих частных интересов. То есть социальное взаимодействие в таких сообществах и модерируется, и управляется офлайн-актерами; это лишь один из инструментов достижения их целей. В этом смысле их следует рассматривать как классический пример гибрида виртуального и физического пространств, о котором упоминает Кастельс, характеризуя общение в «цифровом» пространстве (Кастельс 2012). С большой долей вероятности можно предполагать, что в онлайн-сообществах подобного типа фактор доверия присутствует в качестве доминирующего, отвечая за социальную капитализацию группы и, как следствие, за ее *офлайн-устойчивость*. Но в любых группах гибридного типа интеграционные процессы задаются целенаправленными вертикально-структурированными воздействиями, и, соответственно, динамика интеграции будет описываться в категориях управленческой логики, а не естественной логики саморазвития коммуникационной системы.

Что же касается ограничений по времени, не исключено, что период эмпирического наблюдения ограниченного числа сообществ оказался короче по сравнению с периодами изменения уровня доверия. Иначе говоря, доверие или недоверие не являются стабильными характеристиками ежедневного существования сообщества, а могут возникать в какие-то особые моменты. И, если принимать во внимание концептуальные ограничения в отношении феномена доверия, описанные А. Селигменом, полагающим, что зарождение доверия происходит на границах системы, в тех ее «зазорах, в том пространстве между ролями, где они подвергаются рассмотрению и интерпретации» (Селигмен 2002), наблюдение за поведением общностей необходимо продолжать до наступления неких кризисных для групп ситуаций, в которых эти «ролевые зазоры» могут возникать.

Относительно возможных концептуальных подходов к поискам *ускользящего* от взгляда наблюдателя феномена доверия наиболее перспективными направлениями анализа мы полагаем переосмысление роли и места доверия в интернет-коммуникациях и уточнение самого понятия доверия в плане общения с помощью цифровых технологий.

Констатируя самоочевидные факты, наблюдая поведение людей в виртуальном мире, можно утверждать, что доверие является фактором, лежащим в основе решения людей о вступлении в сообщество, – фактором, предваряющим решение о вступлении в коммуникацию. В этом контексте доверие действует в качестве селективного механизма в соответствии с принципами, которые описываются в литературе именно как принципы распределения доверия в интернет-пространстве и к которым относятся транзитивность, асимметрия и персонализация (Golbeck 2005; Golbeck, Hendler 2006).

Но это распределение доверия работает до принятия решения об участии в сообществе. Следовательно, внутри самой коммуникации оно может оказываться за рамками эмпирического наблюдения. В таком случае доверие должно рассматриваться не в качестве ключевого, но в качестве фоновое условия существования группы. Будучи фактором мета-уровня по отношению к изучаемым динамическим процессам, доверие именно как межличностное отношение может анализироваться только в двух точках: входа в Сеть, в конкретную группу, конкретного пользователя и, соответственно, выхода из нее. Некоторые исследователи современных коммуникаций отводят доверию схожую роль – роль некоего «стартового» механизма, необходимого для начала взаимодействия (Singh, Bawa 2007).

Внутри же сообщества доверие приобретает характер институциональной характеристики, поскольку в большей степени относится не к участникам группы, а к ее нормам, ценностям и правилам.

В этом смысле можно также говорить и о другом уровне фонового *институционального доверия* – доверия по отношению к жанрам общения в Интернете, к самой Сети и ее отдельным сегментам. В российском контексте это институциональное доверие формируется под воздействием серьезно и целенаправленно выстраиваемой культуры недоверия (в терминологии П. Штомпки) к общению в Интернете, и особенно к общению в социальных сетях. Использование различных форм дискредитации социальных сетей посредством традиционных медиа, внедрение в сетевые коммуникации так называемых *ботов*, принятие законов об ответственности за размещаемую информацию и применение данных законов на практике – неполный перечень инструментов этой *культуры недоверия*, направленных против виртуальных коммуникаций. Однако согласно теории двух взаимосвязанных культур – доверия и недоверия, – недоверие в обществе способно обуславливать и развивать культуру доверия, которая, в свою очередь, является и важнейшим критерием измерения динамики всех сфер общественной жизни, включая политическую культуру (Sztompka 1991). Интернет сегодня, вероятно, выполняет эту функцию продуцирования культуры доверия, основанной на ценностях открытости, автономии и свободного выбора личности. Во всяком случае, показатели роста численности участников социальных сетей и иных виртуальных сообществ во всем мире, и в России в частности, несмотря на серьезную экспансию культуры недоверия, говорят о наличии такого институционального доверия, понимаемого как доверие самому институту Интернета безотносительно к участникам взаимодействия, конкретным сообществам или к конкретному информационному контенту. По данным экспертов, на начало 2019 г. количество пользователей социальных сетей во всем мире достигло почти 3,5 млрд, практически удвоившись с 2014 г., охват аудитории соцсетей в мире составил 45%. Российская аудитория соцсетей составляет 49% от общей численности населения – 70 млн активных пользователей (Сергеева 2019). Безусловно, популярность социальных сетей и темпы их развития и распространения не могут объясняться только лишь ростом доверия к ним и к Интернету как к пространству общения. В данном случае доверие выступает также не причиной, но

фоновым условием выбора пользователя, что лишний раз подчеркивает второстепенную роль доверия в качестве фактора онлайн-интеграции, но первостепенную – в качестве сопутствующего феномена.

Эти данные говорят о двух значимых для понимания распределения доверия процессах. С одной стороны, по чисто количественным показателям они означают рост запроса на «иную институциональную среду», поддерживающую «модерные нормы взаимодействия» (Мартьянов 2017), в том числе нормы открытости, рефлексивности, права на свободу слова и иные формы свободной самореализации, равноправия, ценности индивидуального социального капитала и т.д. С другой стороны, по качественным характеристикам пользователи соцсетей сегодня – это не только носители «модерных» и «позднемодерных» ценностей, как это было в «нулевые» годы, когда российские социальные сети осваивали наиболее образованные и мобильные социальные слои, в основном жители крупных городов. В настоящее время в социальных сетях достаточно ощутимо присутствие представителей антимодерного консенсуса с ярко выраженной культурой межличностного недоверия и лояльностью по отношению к господствующим ценностям. Как правило, этот социальный сегмент привносит в пространство виртуальных коммуникаций атмосферу подозрительности, склонность к обвинениям собеседников в скрытых политических интересах, страхи в выражении собственного мнения, которые, к слову сказать, количественно легко измеряются соотношением репостов и авторских постов. Однако, именно в соответствии с утверждением Штомпки (Sztompka 1991), определенная оппозиция культур доверия и недоверия в виртуальных коммуникациях усиливает институциональные основы культуры доверия – формирует гласные и негласные нормы коммуникаций, разделяемые всеми участниками. В какой-то степени именно сообщества в социальных сетях выступают носителями этой культуры доверия, полагая, с одной стороны, свободу выражения мнения основополагающей ценностью, а с другой – не позволяя этой свободе выходить за рамки общепринятых норм и оборачиваться пресловутой вседозволенностью. В большинстве групп в социальных сетях (а среди наблюдаемых – во всех) декларируются правила общения, часто схожие между собой. И наблюдение показывает, что контролируется соблюдение правил не только и не столько администраторами групп, сколько самими участниками. Если в правилах сообщества декларируется недопустимость личных оскорблений либо предложений товаров и услуг, то участники мгновенно реагируют на подобные эпизоды, обращаясь к «админу» с требованием заблокировать не соблюдающего правила пользователя. Напротив, в группах, где подобные правила не артикулируются, подобные действия остаются без реакции.

Таким образом, горизонтальная интеграция в сообществах порождает создание горизонтальных механизмов ответственности, которая минимизирует риски участников натолкнуться на не соответствующее ожиданиям поведение, в отличие от уровня рисков при ведении личных профильных страниц, где чаще проявляются элементы культуры недоверия («закрытые» страницы, минимизация личной информации, «закрытие» тех или иных

разделов для общения – комментариев, возможностей получать приглашения в группы и т.д.).

Исходя из предположения о наличии некоей устоявшейся культуры доверия в виртуальных сообществах, мы полагаем продуктивным интерпретировать *ускользание* доверия от эмпирического наблюдения именно за межличностным общением в группах в социальных сетях с помощью еще одной гипотезы, наиболее радикальной из всех возможных. Объяснение того, что в сплошном наблюдении за поведением групп в течение двух месяцев межличностные доверие/недоверие в качестве интеграционного/деинтеграционного фактора возникали в виде единичных незначительных эпизодов, не влияя на состояние и функционирование сообществ в целом, может заключаться в том, что анализ интеграции виртуальных сообществ вообще не нуждается в использовании категории *доверия*, во всяком случае, в изучаемом нами сегменте добровольных открытых сообществ мобилизационного типа. Данное предположение основывается как на тезисе о фоновом присутствии культуры доверия, определяющем участие людей в сообществе, но не влияющем на количество и качество коммуникаций внутри сообщества, так и на анализе спорадических эпизодов межличностного недоверия, упоминаемых выше. Эти эпизоды характеризовали ситуацию гипотетической возможности личного контакта участников в реальной жизни – прямого или опосредованного. Такое вторжение *культуры недоверия* в виртуальные коммуникации в обоих случаях оказывается экстраполяцией ролевых диспозиций и ожиданий, переносимых из опыта общения в реальном мире. Если провести мысленный эксперимент и теоретически представить себе виртуальное сообщество, в котором вероятность любых коммуникаций в оффлайне стремится к нулю, то элементы *культуры недоверия*, доминирующей в оффлайновой жизни, могут вообще не транслироваться в цифровое пространство. Но в таком случае отпадает и потребность в межличностном доверии как индивидуальном и групповом ресурсе, ибо ролевые ожидания значительно редуцируются по сравнению с реальным социальным миром, соответственно функция доверия как инструмента упрощения рационального выбора в ситуации «критической альтернативы», по Н. Луману, оказывается невостребованной.

Продолжая мысль о снижении уровня персональных рисков в виртуальных коммуникациях в сообществах, следует отметить также, что автономизация и персонализация субъектов коммуникации в виртуальных сообществах в условиях нарастания объема коммуникаций предполагают наличие обратного процесса – деперсонализации (обезличивания) и симуляции личного присутствия. При нарастании объема коммуникаций технологические системы создают возможности редуцированного реагирования на информацию – в виде *лайков*, *эмодзи* и др., формируя одновременно и систему редуцированных ролевых наборов, и систему редуцированных ролевых ожиданий. Кроме редукации ролей цифровые технологии дают возможность выбора любой формы самопрезентации в зависимости от желаемого уровня комфорта для пользователя, что позволяет участникам в меньшей степени ориентироваться на личность собеседника, осо-

зная, что личность в Сети – это не то, что есть «на самом деле», а набор информации, которую пользователь предпочел предъявить в виртуальном мире. И вопрос: «Что за личность скрывается за “ником”, указанным на странице?» – среди опытных пользователей воспринимается как неуместный, и даже не совсем корректный, поскольку посягает на свободу выбора и неприкосновенность личного пространства, которые относятся к числу фундаментальных ценностей в интернет-коммуникациях. Такие вопросы могут возникать у новичков, втягивающих элементы культуры недоверия в сетевое пространство. Но «сетевой этикет», предполагающий *презумпцию* доверия и ограничивающий пользователя только в рамках конвенционально принятых правил, подавляет эту экспансию недоверия через многократное подтверждение нормы права выбора пользователя называть себя каким угодно способом посредством равно уважительного общения опытных пользователей и с «Иваном Петровичем Сидоровым, доктором наук, финансовым консультантом группы компаний N из города M», и «Мишкой-на-Севере» без определенного адреса и места работы. Таким образом, сетевое равенство и сетевая демократия по умолчанию не осуждают анонимность участия, хотя и не всегда приветствуют эту анонимность.

Возможность анонимного и полуанонимного присутствия в виртуальных сообществах не означает наличия возможностей большего или меньшего доверия. Категории доверия и недоверия в условиях коммуникации, не выходящей за рамки виртуального мира, оказываются не релевантными целям и ценностям группы, которая не дублирует реальные оффлайн-группы и не стремится капитализировать ресурсы сообщества для последующих оффлайновых действий. Основные ролевые наборы и ролевые ожидания связаны с процессами обмена информацией (фактами, мнениями, эмоциями и т.д.). И в этом своем предназначении группы эффективно справляются с подобными задачами. Продолжая логику разделения связей на «сильные» и «слабые» (Грановеттер 2009), можно обозначить связи людей в виртуальных сообществах как «слабейшие». Если ресурс доверия по определению присущ «сильным» связям, определяя степень близости, если он желателен и необходим на минимальном уровне для формирования «слабых связей» (предполагающих хотя бы поверхностное личное знакомство), то для формирования «слабейших» связей доверие уже не выступает необходимым ресурсом. Скорее, в цифровой коммуникации большую роль играет не доверие к людям, а доверие по отношению к *контенту*, то есть к самой информации. И если в реальной жизни доверие к информации тесно связано с доверием к ее источнику, то нормы сетевого общения в условиях деперсонализации и частичной анонимизации, вероятно, работают в обратном направлении – от доверия к информации к доверию к источнику. Каким образом формируется доверие к информации в обществе, продуцирующем тотальную дезинформацию и порождающем «недоверие по умолчанию» (Крастев 2014), – это тема отдельного исследования. Следует лишь заметить, что одним из ролевых ожиданий и норм негласной сетевой этики при общении в виртуальных сетях является предоставление *пруфов* при публикации тех или иных фактов, затрагивающих интересы

других участников. И последующее обсуждение таких публикаций, опять же в соответствии с сетевым этикетом, происходит не по поводу личности автора публикации, а по поводу качества (надежности, убедительности) самого пружа.

Таким образом, *ускользание* доверия при изучении факторов интеграции виртуальных сообществ не является частной методической проблемой доступности эмпирического наблюдения и измерения этого свойства социальных общностей. Доверие как феномен, обеспечивающий саму возможность коммуникации и ее качество, в виртуальных сообществах смещается с уровня межличностного доверия на уровень доверия институционального – доверия формату виртуальных сообществ, доверия конкретному сообществу, его правилам и ценностям. При этом доверие в плане эмпирического исследования оказывается признаком, практически тождественным признаку интеграции. И различие между этими признаками может быть осуществлено лишь при теоретическом анализе процесса (интеграции) и его предпосылки (доверия). В этом качестве доверие становится фоновой характеристикой функционирования виртуальных сообществ, но не существенным фактором их поведения и развития.

Данная гипотеза имеет ряд ограничений, связанных, во-первых, с большим разнообразием виртуальных сообществ, затрагивающим и разный генезис сообществ, и их плотность, и разную степень смешения механизмов горизонтальной и вертикальной интеграции (в зависимости от генезиса, целей и ценностей групп), и разный уровень гибридации «слабых» и «слабейших» связей. Однако в идеализированной модели виртуального сообщества, в виртуальном сообществе как «идеальном типе» в веберовском понимании, предполагается наряду с преобладанием горизонтальной интеграции и диффузным лидерством снижение значимости фактора межличностного доверия в коммуникации в целом при сохранении фонового институционального доверия. И в этом смысле интернет-коммуникации заслуживают особого внимания именно как пространство, продуцирующее принципиально новый тип социальности, о котором упоминал М. Кастельс, характеризуя состояние «информационального общества» в современном мире. Предсказанные им параметры «информационального общества» и возрастающая роль горизонтальных связей (Кастельс 2016) становятся новым базисом построения общественных отношений на всех уровнях, при этом все более явно обнаруживается зависимость качественных характеристик коммуникации от самого способа сетевой организации и ролевых структур, складывающихся внутри этого процесса благодаря технологиям, предоставляемым ресурсами глобальной Сети.

Этот новый тип социальности потенциально способен компенсировать дефицит доверия в оффлайновой реальности через интеграцию в онлайн-сообществах. В онлайн-сообществах нарастание институционального доверия обеспечивается традиционными и для оффлайновой реальности механизмами – анонимностью (деперсонализацией), редукцией социальных ролей, деиерархизацией, свободой проявить как доверие, так и недоверие. Но эти механизмы усиливают свой эффект благодаря технологической про-

стоте и доступности соответствующих инструментов, обеспечивающих произвольный самопрезентационный набор, возможность выражения позиции одним «кликом», моментальный вход и выход из коммуникационной ситуации, в частности из сообщества. Эта способность обозначается нами как потенциальная, но не актуализированная в полной мере в силу высокой степени «гибридизации» интернет-коммуникаций, в которых, как уже отмечалось, вертикально интегрированные системы наращивают свое участие, порождая все новые и новые предпосылки для диффузии культуры недоверия в виртуальный мир. И тем не менее эта новая социальность способна выступать альтернативой *социальности недоверия*, что доказывается высокой степенью эффективности социальной мобилизации именно среди участников групп, максимально близких к модели горизонтальной интеграции. Эти примеры мобилизации позволяют предполагать, что объединение людей происходит не за счет роста уровня межличностного доверия в классическом смысле этого слова, а за счет распространения социальных практик, не опирающихся на доверие или недоверие как основу коммуникаций, но основывающихся на доверии самим практикам как практикам, выбранным в результате свободного индивидуального выбора (либо его иллюзии).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список наблюдаемых групп

1. Альянс гетеросексуалов и ЛГБТ за равноправие (ВКонтакте) https://vk.com/straights_for_equality
2. Библиотеки – пространства развития (Facebook) https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.facebook.com%2Fgroups%2F738624459493204%2F&c_key=
3. Все вместе (благотворительный фонд) (Facebook) https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.facebook.com%2Fgroups%2Fhelporphanshelp%2F&c_key=
4. Жители Тимирязевского района (Facebook) <https://www.facebook.com/groups/msk.timiryazevsky/permalink/1749003631867813>
5. Зеленый паровоз (ВКонтакте) <http://zparovoz.ru/>
6. Лига Ижевского Свояка (Facebook) https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.facebook.com%2Fgroups%2Fsvoiakizh%2F&cc_key=
7. Лыжи мечты в Ижевске (ВКонтакте) <https://vk.com/izhdreamski>
8. Поборы в школах и детсадах : Горячая линия по поборам в сфере образования РТ (ВКонтакте) <https://vk.com/poboru>
9. Пражский клуб (Facebook) <https://www.facebook.com/groups/1758212774469649/>
10. Профсоюз медработников «Действие» (Facebook) <https://www.facebook.com/groups/dejstvie77/>
11. Профсоюз «Университетская солидарность» (ВКонтакте) <https://vk.com/unisolidarity>
12. Pro bono Проект «Право 45» (Facebook) <https://www.facebook.com/probonopravo45/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алмакаева А.М. 2014. Измерение генерализированного (обобщенного) доверия в кросс-культурных исследованиях // Социологические исследования. № 11. С. 32-43.

Бондаренко С.В. 2004. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. гос. ун-та. 320 с.

Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федупина Н.Ю. 2013. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Журнал Высшей школы экономики. Т. 10, № 2. С. 98-121.

Гидденс Э. 2011. Последствия современности. Москва : Праксис. 352 с.

Грановеттер М. 2009. Сила слабых связей // Экономическая социология. Т. 10, № 4. С. 31-50.

Гужавина Т.А., Силина Т.А. 2016. Доверие в сетевом взаимодействии // Проблемы развития территории. № 6 (86). С. 147-166. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-v-setevom-vzaimodeystvii> (дата обращения: 01.07.2019).

Кастельс М. 2012. Кастельс: Наша жизнь – гибрид виртуального и физического пространства : [интервью] / подгот. Анастасия Алексеева // РИА Новости. 22 июня. URL: <https://ria.ru/20120622/679289114.html> (дата публикации: 22.06.2012).

Кастельс М. 2016. Власть коммуникации : учеб. пособие. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 564 с.

Коулмен Дж. 2001. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3. С. 121-139.

Крастев И. 2014. Управление недоверием. Москва : Европа. 123 с.

Луман Н. 2000. Формы помощи в процессе изменения общественных условий // Социологический журнал. № 1-2. С. 16-35.

Максименко В.Н., Долгова Н.Д. 2018. Анализ алгоритмов вычисления уровня доверия к пользователю в социальной сети // Экономика и качество систем связи. № 4 (10). С. 23-30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-algoritmov-vychisleniya-urovnya-doveriya-k-polzovatelyu-v-sotsialnoy-seti> (дата обращения: 01.07.2019).

Мартьянов В.С. 2017. Доверие в современной России: между поздним модерном и новой сословностью? // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 17, вып. 1. С. 61-82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-v-sovremennoy-rossii-mezhdu-pozdnim-modernom-i-novoy-soslovnostyu> (дата обращения: 01.07.2019).

Неофитова А.А. 2016. Доверие как категория социологического анализа // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». № 4(6). С. 69-74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-kak-kategoriya-sotsiologicheskogo-analiza> (дата обращения: 01.07.2019).

Норт Д. 1997. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва : Фонд эконом. кн. «Начала». 180 с.

Селигмен А. 2002. Проблема доверия. Москва : Идея-Пресс. 256 с.

Сергеева Ю. 2019. Вся статистика интернета на 2019 год – в мире и в России // Web – Canape: студия WebCanape. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii> (дата публикации: 11.02.2019).

Фукуяма Ф. 2004. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Москва : АСТ : Фремак. 730 с.

Ярская-Смирнова В.Р., Печенкин В.В., Решетников Д.С. 2014. Визуализация сетевой структуры групповых отношений в контексте анализа социальной сплоченности // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). № 39. С. 40-61. URL: <http://jour.isras.ru/upload/journals/6/articles/3778/public/3778-9101-1-PB.pdf> (дата обращения: 01.07.2019).

Adali S. et al. 2010. Measuring behavioral trust in social networks / S. Adali, R. Escriva, M. Goldberg, M. Hayvanovych, M. Magdon-Ismael, B. Szymanski, W. Wallace, G. Williams // 2010 IEEE International Conference on Intelligence and Security Informatics. Vancouver, BC, Canada, 23-26 May 2010. P. 150-152.

Bhattacharjee A. 2002. Individual Trust in Online Firms: Scale Development and Initial Trust // Journal of Management Information Systems. Vol. 19, № 1. P. 213-243.

Boellstorff T. 2008. Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human. Princeton : Princeton Univ. Press. 344 p.

Chang S.E., Liu A.Y., Shen W.C. 2017. User trust in social networking services: A comparison of Facebook and LinkedIn // Computers in Human Behavior. № 69. P. 207-217.

Field J. 2017. Social capital. New York : Routledge. 193 p.

Gefen D., Karahanna E, Straub D.W. 2003. Trust and TAM in online shopping: an integrated model // MIS Quarterly. Vol. 27, № 1. P. 51-90.

Golbeck J. 2005. Computing and applying trust in Web-based social networks : PhD dissertation / Univ. of Maryland, College Park, USA. URL: <https://dl.acm.org/citation.cfm?id=1104446> (дата обращения: 01.07.2019).

Golbeck J., Hendler J. 2006. Inferring binary trust relationships in web-based social networks // Journal ACM Transactions on Internet Technology. Vol. 6(4). P. 497-529.

Gross R., Acquisti A. H. 2005. Information revelation and privacy in online social networks (The Facebook Case) // WPES'05: Proceedings of the 2005 ACM Workshop on Privacy in the Electronic Society. New York : ACM Press. P. 71-80.

Miller D. 1994. Artefacts and the meaning of things. Companion encyclopedia of anthropology / ed. by T. Ingold. London ; New York : Routledge. P. 396-420.

Moibus M., Quoc-Anh D. 2004. Social capital in social networks. URL: <http://www.earthinstitute.columbia.edu/cgsd/documents/rosenblat.pdf> (дата обращения: 01.07.2019).

Nahapiet J., Ghoshal S. 1998. Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage // Academy Manag. Rev. Vol. 23, № 2. P. 242-266.

Sherchan W., Nepal S., Paris C. 2013. A Survey of Trust in Social Networks // ACM Computing Surveys. Vol. 45, iss. 4. Art. 47. URL: <http://dx.doi.org/10.1145/2501654.2501661> (дата обращения: 04.09.2019).

Singh S., Bawa S. 2007. A privacy, trust and policy based authorization framework for services in distributed environments // International Journal of Computer Science. Vol. 2, № 2. P. 85-92. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/4701/f9fa28ef353c224e3451ddba97203a265c0b.pdf> (дата обращения: 08.08.2019).

Strauss A., Corbin J. 1998. Basics of Qualitative Research. Technics and Procedures for Developing Grounded Theory. Thousand Oaks, CA : Sage Publications, Inc. 312 p.

Sztompka P. 1991. Society in action: the theory of social becoming. Cambridge : Polity Press. 219 p.

Adelia D. Kaveeva, Kazan Federal University, Kazan, Russia.

E-mail: adele.kaveeva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8689-5532

ResearcherID: D-3499-2017

ScopusID: 57189662019

SPIN-code: 5837-4683

Lyudmila A. Saburova, Udmurt Branch, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia.

E-mail: sabur@udm.ru

ORCID: 0000-0002-7243-652X

ResearcherID: K-2275-2018

SPIN-code: 6296-8340

Julia Yu. Estrina, Institute of History and Sociology, Udmurt State University, Izhevsk, Russia. E-mail: avisart@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3972-2943

SPIN-code: 9747-7848

Article received 08.07.2019, accepted 02.10.2019, available online 13.01.2020

ELUSIVE TRUST IN DIGITAL COMMUNICATIONS: WHAT CONNECTS USERS IN ONLINE COMMUNITIES?

Abstract. The article is devoted to the issue of relevance of applying the category of trust to the analysis of Internet communications, and to the analysis of the integration in online communities in social networks, in particular. Nowadays, the issue of trust or distrust towards online communities and integration in Russia becomes the factor that sharply splits society and pushes the state to tighten control over the Internet; the issue of trust as an internal factor of the online communities becomes relevant not only theoretically but also politically. The authors attempt to understand the processes of horizontal integration in online communities that quite differ from the genesis of real communities arising in vertically integrated social structures, or adapt to a vertically oriented social environment. We use “grounded theory” approach to analyze the dynamics of mobilization-type online communities in the social networks Vkontakte and Facebook. Weak significance of the interpersonal trust factor in the functioning and development of the observed communities is revealed. The contradiction between this fact and the established ideas of trust as the basis of social interaction and a key component of the social capital can be explained by clarifying the specifics of interaction in online communities. This specific can be described through following features. Firstly, there is institutional trust “at the entrance” to the group, based on the user's loyalty to the values, rules, and norms of the group. Secondly, there is the lack of a hierarchical structure that reduces the role sets and role expectations to minimum. Finally, it is the prevalence of the “weakest” type of links comparing with “strong” and “weak” ones, implying the absence of personal links, and preventing the expansion of the “culture of distrust” into online reality. Horizontal integration is not typical for all kinds of online communities. Nevertheless, the growth of online communications in the world, and in Russia, in particular, allows us to predict the growing influence of the “trust culture”

of “online sociality” as an alternative to the culture of distrust inherent in hierarchical societies.

Keywords: trust; institutional and interpersonal trust; online communities; horizontal and vertical integration.

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant No. 19-011-00761 “Construction of predictive models of Internet communities dynamics”).

For citation: Kaveeva A.D., Saburova L.A., Estrina J.Yu. *Uskol'zayushchee doverie v tsifrovyykh kommunikatsiyakh: chto svyazyvaet pol'zovateley v virtual'nykh soobshchestvakh?* [Elusive trust in digital communications: what connects users in online communities?], *Antinomii = Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 45-65. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00008. (in Russ.).

References

Adali S., Escriva R., Goldberg M., Hayvanovych M., Magdon-Ismail M., Szymanski B., Wallace W., Williams G. Measuring behavioral trust in social networks, 2010, *IEEE International Conference on Intelligence and Security Informatics*, Vancouver, BC, Canada, 23-26 May 2010, pp. 150-152.

Almakaeva A.M. *Izmerenie generalizirovannogo (obobshchennogo) doveriya v kross-kul'turnykh issledovaniyakh* [Measurement of generalized trust in cross-cultural research], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014, no. 11, pp. 32-43. (in Russ.).

Bhattacharjee A. Individual Trust in Online Firms: Scale Development and Initial Trust, *Journal of Management Information Systems*, 2002, vol. 19, no. 1, pp. 213-243.

Boellstorff T. *Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human*, Princeton, Princeton Univ. Press, 2008, 344 p.

Bondarenko S.V. *Sotsial'naya struktura virtual'nykh setevykh soobshchestv* [The social structure of virtual network communities], Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004, 320 p. (in Russ.).

Castells M. *Kastel's: Nasha zhizn' – gibrigid virtual'nogo i fizicheskogo prostranstva : [interv'yuu] / podgot. Anastasiya Alekseeva* [Castells: Our Life is a Hybrid of Virtual and Physical Space: From M. Castells's interview with RIA Novosti correspondent A. Alekseeva 06/22/2012], *RIA Novosti*, 2012, June 22, available at: <https://ria.ru/20120622/679289114.html> (accessed June 22, 2012). (in Russ.).

Castells M. *Vlast' kommunikatsii : ucheb. posobie* [Power of communication: a manual], Moscow, Izdatel'stvo Vysshey shkoly ekonomiki, 2016, 564 p. (in Russ.).

Chang S.E., Liu A.Y., Shen W.C. User trust in social networking services: A comparison of Facebook and LinkedIn, *Computers in Human Behavior*, 2017, no. 69, pp. 207-217.

Coleman J. *Kapital sotsial'nyy i chelovecheskiy* [Social Capital in the Creation of Human Capital], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2001, no. 3, pp. 121-139. (in Russ.).

Field J. *Social capital*, New York, Routledge, 2017, 193 p.

Fukuyama F. *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust. Social virtue and path to prosperity], Moscow, ACT, Ermak, 2004, 730 p. (in Russ.).

Gefen D., Karahanna E., Straub D.W. Trust and TAM in online shopping: an integrated model, *MIS Quarterly*, 2003, vol. 27, no. 1, pp. 51-90.

Giddens A. *Posledstviya sovremennosti* [The Consequences of Modernity], Moscow, Praksis, 2011, 352 p. (in Russ.).

Golbeck J. *Computing and applying trust in Web-based social networks: PhD dissertation*, Univ. of Maryland, College Park, USA, 2005, available at: <https://dl.acm.org/citation.cfm?id=1104446> (accessed July 01, 2019).

Golbeck J., Hendler J. Inferring binary trust relationships in web-based social networks, *Journal ACM Transactions on Internet Technology*, 2006, vol. 6(4), pp. 497-529.

Granovetter M. *Sila slabykh svyazey* [The Strength of Weak Ties], *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2009, vol. 10, no. 4, pp. 31-50. (in Russ.).

Gross R., Acquisti A. H. Information revelation and privacy in online social networks (The Facebook Case), *WPES'05: Proceedings of the 2005 ACM Workshop on Privacy in the Electronic Society*, New York, ACM Press, 2005, pp. 71-80.

Guzhavina T.A., Silina T.A. *Doverie v setevom vzaimodeystvii* [Trust in network interaction], *Problemy razvitiya territorii*, 2016, no. 6 (86), pp. 147-166, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-v-setevom-vzaimodeystvii> (accessed July 01, 2019). (in Russ.).

Krastev I. *Upravlenie nedoveriem* [Management of distrust], Moscow, Evropa, 2014, 123 p. (in Russ.).

Luhmann N. *Formy pomoshchi v protsesse izmeneniya obshchestvennykh usloviy* [Forms of assistance in the process of changing social conditions], *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2000, no. 1-2, pp. 16-35. (in Russ.).

Maksimenko V.N., Dolgova N.D. *Analiz algoritmov vychisleniya urovnya doveriya k pol'zovatelyu v sotsial'noy seti* [Analysis of algorithms for calculating the level of trust in a user in a social network], *Ekonomika i kachestvo sistem svyazi*, 2018, no. 4 (10), pp. 23-30, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-algoritmov-vychisleniya-urovnya-doveriya-k-polzovatelyu-v-sotsialnoy-seti> (accessed July 01, 2019). (in Russ.).

Martianov V.S. *Doverie v sovremennoy Rossii: mezhdru pozdnim modernom i novoy soslovnost'yu?* [Trust in modern Russia: between the late modern and new class estates?], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 61-82, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-v-sovremennoy-rossii-mezhdru-pozdnim-modernom-i-novoy-soslovnostyu> (accessed July 01, 2019). (in Russ.).

Miller D. Artefacts and the meaning of things, *Companion encyclopedia of anthropology*, London, New York, Routledge, 1994, pp. 396-420.

Moibus M., Quoc-Anh D. *Social capital in social networks*, 2004, available at: <http://www.earthinstitute.columbia.edu/cgsd/documents/rosenblat.pdf> (accessed July 01, 2019).

Nahapiet J., Ghoshal S. Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage, *Academy Manag. Rev.*, 1998, vol. 23, no. 2, pp. 242-266.

Neofitova A.A. *Doverie kak kategoriya sotsiologicheskogo analiza* [Trust as a category of sociological analysis], *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie»*, 2016, no. 4(6), pp. 69-74, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-kak-kategoriya-sotsiologicheskogo-analiza> (accessed July 01, 2019). (in Russ.).

North D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance], Moscow, Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala», 1997, 180 p. (in Russ.).

Seligmen A. *Problema doveriya* [The Problem of Trust], Moscow, Ideya-Press, 2002, 256 p. (in Russ.).

Sergeeva Yu. *Vsya statistika interneta na 2019 god – v mire i v Rossii* [All Internet statistics for 2019 – in the world and in Russia], *Web – Canape: studiya WebCanape*, 2019, available at: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii> (accessed February 11, 2019). (in Russ.).

Sherchan W., Nepal S., Paris C. A Survey of Trust in Social Networks, *ACM Computing Surveys*, 2013, vol. 45, iss. 4, art. 47, available at: <http://dx.doi.org/10.1145/2501654.2501661> (accessed September 04, 2019).

Singh S., Bawa S. A privacy, trust and policy based authorization framework for services in distributed environments, *International Journal of Computer Science*, 2007, vol. 2, no. 2, pp. 85-92, available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/4701/f9fa28ef353c224e3451ddb97203a265c0b.pdf> (accessed August 08, 2019).

Strauss A., Corbin J. *Basics of Qualitative Research. Technics and Procedures for Developing Grounded Theory*, Thousand Oaks, CA, Sage Publications, Inc., 1998, 312 p.

Sztompka P. *Society in action: the theory of social becoming*, Cambridge, Polity Press, 1991, 219 p.

Voyskunskiy A.E., Yevdokimenko A.S., Fedunina N.Yu. *Setevaya i real'naya identichnost': sravnitel'noe issledovanie* [Network and Real Identity: A Comparative Study], *Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2013, vol. 10, no. 2, pp. 98-121. (in Russ.).

Yarskaya-Smirnova V.R., Pechenkin V.V., Reshetnikov D.S. *Vizualizatsiya setevoy struktury gruppovykh otnosheniy v kontekste analiza sotsial'noy splochnosti* [Visualization of the network structure of group relations in the context of the analysis of social cohesion (vk.com example)], *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (4M)*, 2014, no. 39, pp. 40-61, available at: <http://jour.isras.ru/upload/journals/6/articles/3778/public/3778-9101-1-PB.pdf> (accessed July 01, 2019). (in Russ.).